

Леночка покорно пошла за братомъ; душа ея все еще наполнена была впечатлѣніемъ чудной панорамы, — ей хотѣлось молиться...

Маѣвка была въ полномъ разгарѣ, когда они пришли. Зюзя, съ покраснѣвшимъ носомъ, очевидно, уже довольно близко ознакомившійся съ содержимымъ батюшкиныхъ ящиковъ, варить уху, въ разсѣянности мѣшая ее не ложкой, а щепкой; многочисленные кучера и работники не успѣвали ставить самовары и мыть посуду; мужчины, всѣ уже сильно подвыпившіе, страшно шумѣли, и батюшка тщетно старался водворить между ними порядокъ и организовать пѣніе. Агнеса Львовна, разобиженная тѣмъ, что Володя явно отдастъ свое предпочтеніе „прелестной тетушкѣ“ и что вообще никто не обращаетъ на нее особеннаго вниманія, пробовала чары своего кокетства на молодомъ Петровцѣ, который, очевидно, не зная, куда ему дѣваться отъ очаровательной панинской сирены и, нервно пощипывая бородку, бросалъ вокругъ умоляющіе взгляды, отыскивая жену, которая, какъ на зло, ушла съ сестрой въ лѣсъ. Не мало смущалъ его также и юнкеръ, который явно свирѣлѣлъ, наливался кровью и угрожающе гремѣлъ палашомъ, поглядывая на „соперника“ (такъ онъ уже мысленно называлъ ни въ чемъ неповиннаго Петровца). Даже тяжелѣсныя Пфейферши оживились и съ нечеловѣческимъ визгомъ бѣгали взапуски другъ за другомъ по луговинѣ.

— Вотъ и моя сестра! — произнесъ Володя нѣжно, подводя Леночку ко вдовѣ. — Представьте, убѣжала къ краю горы и стоитъ тамъ себѣ... Она — страшная дикарка, я вамъ вѣдь говорилъ...

— О, мы подружimsя! — воскликнула Марья Ивановна и, усадивъ Леночку около себя, такъ крѣпко пожала ей руку, что Леночка чуть не вскрикнула. Володя, между тѣмъ, опустился на траву, рядомъ со вдовою, и такъ она сидѣла между братомъ и сестрою, бросая попеременно на того и другую влажные, счастливые взоры.

Эта розовая картина, во вкусѣ Ватто, однако приплась не по сердцу Агнесѣ. Она вдругъ смолкла, прикусила губы и судорожно принялась обрывать цвѣтокъ, который вертѣла въ рукахъ. Воспользовавшись ея замѣшательствомъ, Петровецъ улизнулъ и болѣе не возвращался; это еще болѣе обезкуражило Агнесу. Она, какъ раненая львица, вскочила съ мѣста, схватила подъ руку мгновенно просіявшаго юнкера и исчезла въ лѣсу.

Лена сначала совершенно растерялась въ чужой шумной толпѣ и ровно ничего не понимала, что дѣлается вокругъ. Не понимала, зачѣмъ „толстая барыня“ (такъ окрестила она про себя Фирсову) крѣпко жметъ ея руки и безпрестанно цѣлуетъ;